

„СВОБОДА“

ГОДЪ 1.

1905.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕДОСТУПНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

Съ какой стороны можешь покраснѣть не „Красный“

Петербургъ.

Задача нашего изданія всѣми силами, всѣми средствами, всѣми способами, помочь отживающему, насквозь прогнившему режиму, скорѣе уйти съ залитой кровью невинныхъ арены, уйти съ позоромъ, какого онъ достоинъ.

Мы смѣемся теперь надъ самодержавнымъ правительствомъ, потому что нельзя не смѣяться, когда жалкіе безсильные люди вообразили себя „командирами“ надъ страной, вступившей на путь революціи.

Мы смѣемся, зная, что ждетъ дѣятелей отживающаго режима ихъ „завтра“. Но еще „вчера“ они, эти люди, мѣсто которымъ на каторгѣ, справляли послѣднюю кровавую тризну своего владычества надъ несчастной страной.

Одесса, Томскъ, Минскъ, Казань, Нижній-Новгородъ, Уфа, Петербургъ — нѣтъ такого города, гдѣ-бы не лилась кровь по улицамъ, гдѣ-бы не жгли домовъ, гдѣ-бы не рвали на части людей, издѣваясь и насильничая хуже опричниковъ Грознаго. Варооломеевская ночь блѣднѣетъ передъ Одесскими ужасами.

Разбойники — „командиры“, организовывавшіе побоища, набирали свои банды изъ такого-же какъ и они отребья только низшихъ званій и ранговъ. Хулиганы изъ губернаторовъ братались съ сутенерами, ворами и профессиональными грабителями, устраивали процессіи съ портретами Государя и національными флагами, возбуждая и направляя пьяную толпу на гражданъ, не примыкавшихъ къ гнуснымъ актамъ произвола, на женщинъ и дѣтей.

Духовенство словами, вложенными въ его уста въ полицейскомъ участкѣ, благословляло убійцъ, руководствуясь не завѣтами Христа, а приказами полицеймейстеровъ.

Все это было „вчера“. „Сегодня“, повторяемъ, мы смѣемся. Смѣемся потому, что „черныя сотни“ только сотни, а въ рядахъ революціи—милліоны.

„Вчера“ однако можетъ повториться и „сегодня“. Чтобы навсегда покончить съ этимъ ненавистнымъ „вчера“, нужно добиваться полного паденія самодержавнаго строя. Манифестомъ 17 октября онъ уничтоженъ, но правительство не въ силахъ, или не хочетъ осуществить манифестъ.

Будемъ осуществлять его сами—это наша тактика.

Страна изстрадалась, страна измучилась! Но въ тоже время страна борется, страна вступила на путь революціи!

Къ краснымъ знаменамъ!

Выкинемъ сердце изъ слабой груди!
Жалость къ врагамъ похоронимъ!
Кто противъ красныхъ знаменъ—уходи,
Иль мы прогонимъ...
Врагъ нашъ не дремлетъ—онъ точитъ мечи.
Въ пышныхъ палатахъ смятеніе...
Дружно впередъ! Пусть дрожатъ палачи...
Будетъ сраженіе!
Ждетъ насъ побѣда! За нами народъ!
Праведный судъ совершится...
Тѣсной толпой за свободу! Впередъ,
Кто не боится!
Миру развратному—тысячи лѣтъ...
Въ день онъ, какъ дымъ разнесется.
Искрой коралловой солнечный свѣтъ
Намъ улыбнется.
Въ царствѣ труда будетъ пиръ молодой,
Праздникъ работниковъ блѣдныхъ...
Звуки польются согласной волной
Пѣсенъ побѣдныхъ.
Дружно впередъ! За свободу, впередъ!
Шлютъ намъ привѣтъ всѣ народы...
Тотъ, кто не съ нами, тотъ противъ идетъ,
Противъ Свободы!
Выкинемъ сердце изъ слабой груди!
Жалость къ врагамъ похоронимъ!
Кто противъ красныхъ знаменъ—уходи,
Иль мы прогонимъ...

Сергій Безпросвѣтнѣй.

ЛИХАЯ КОННИЦА

или

ТАЙНЫЙ КАБИНЕТЪ.

Теперь ни для кого не секретъ, что помимо явнаго правительства, у насъ есть еще и тайное. Правительство г. Витте само по себѣ, а неизвѣстное правительство само по себѣ, причемъ послѣднее доминируетъ надъ первымъ и даже имѣетъ въ своемъ составѣ своихъ собственныхъ агентовъ. Еще такъ недавно оно никакъ не хотѣло разстаться съ Треповымъ, который съ такой наглостью издавалъ свои Манджурскіе приказы. Общество наконецъ заставило смѣнить этого боевого генераль-маіора, но зато получило въ подарокъ г. Дурново. Надо признаться—весьма непріятный подарокъ. Кто же покровительствуетъ этимъ самоувѣреннымъ ничтожествамъ, за кого держался генераль Треповъ, а теперь—г. Дурново. Что это за тайный кабинетъ?

Мы можемъ отвѣтить на этотъ вопросъ вполне опредѣленно и ручаемся за достовѣрность сообщаемыхъ свѣдѣній.

Тайный кабинетъ состоитъ изъ г. Фредерикса и г. Мосолова. Первый—министръ Двора, а второй—начальникъ канцеляріи министерства. Въ этой канцеляріи рѣшаются дѣла положительно государственнаго характера. Вліяніе г. Мосолова, какъ и г. Трепова, который женатъ на его сестрѣ, а гораздо раньше г. Рыдзевскаго—объясняется одинаково. Всѣ они конные. Всѣ они получили воспитаніе въ конномъ полку, изъ котораго выскочилъ и бар. Фредериксъ.

Съ назначеніемъ барона помощникомъ министра Двора, а потомъ министромъ, лихая конница изъ гг. Рыдзевскихъ, Мосоловыхъ, Треповыхъ, Теляковскихъ (тоже кон-

ный!) и др., устроила такую скачку на головахъ русскаго народа, что послѣдній наконецъ не выдержалъ и крикнулъ имъ: «цыцъ!»

Теперь, послѣ нѣкотораго конфуза, эти господа оправились. Они снова замышляютъ заговоръ противъ народа, они готовы измѣнить ему десять разъ. Они даже не доверяютъ г. Витте, какъ можно рѣже пуская его въ Царское Село, а всѣ доклады заставляютъ подавать знатному барону, который гораздо больше понимаетъ въ конюшенномъ дѣлѣ, чѣмъ государственномъ. Но не долго будутъ галопшировать эти скакуны. Наступятъ и для нихъ черные дни. Революція смететъ и уничтожитъ всю эту ветошь.— И гг. скакуновъ отведутъ на арканѣ въ конюшню, гдѣ ихъ настоящее мѣсто.

М. Нар—ъ.

Черное зало.

Долго мы жили угрюмые, скучные,
Въ сумеркахъ сѣрыхъ томясь безъ борьбы,
Тихо шептали проклятья беззвучныя,
Тюремъ могильныхъ — цѣпные рабы!
Годы тянулись безсвязные, сонные,
Кладбище жизни тоской заросло,
Грустно мы пѣли псалмы похоронные,—
Праздновалъ дьяволъ — Крылатое Зло!
Въ близкое утро — больные, безстрастные,
Въ яркое счастье не вѣрили мы.
Утро настало! Свѣтильники красные
Брызжатъ лучами по сводамъ тюрьмы.
Утро настало! Причудливой краскою
Солнце играетъ. Мерцаютъ лучи.
Пусть это кажется дивною сказкою,
Сказка продолжится долгие дни!
Сбросимъ же цѣпи — оковы холодные,
Тюрьмы разрушимъ и въ пепелъ спалимъ!
Будемъ, какъ буря, какъ вѣтры, свободные!
Дерзко-могучіе мы побѣдимъ!
Тамъ, гдѣ развалины, выстроимъ зданіе,
Царство воздвигнемъ святого труда,
Всѣмъ же тиранамъ позоръ въ наказаніе:
Плети и черное зало суда!

С. Усачъ.

Пошла въ ходъ и армія.

Какъ и слѣдовало ожидать, войско не осталось равнодушнымъ къ событіямъ послѣднихъ дней, оно живо почувствовало на себѣ весь гнетъ правительственной опеки, оно поняло, наконецъ, какую гнусную роль заставляютъ его играть палачи Треповы. Оно откликнулось на стоны умирающихъ братьевъ-крестьянъ, и, сознавъ величіе краснаго флага, уже стало тяготиться своимъ положеніемъ усмирителей. Революціонная пропаганда проникла въ войска, гдѣ имѣла огромный успѣхъ.

Тогда правительство, усумнившись въ дѣйствительности своихъ приказовъ, пригласило на гастроли извѣстнаго патентованнаго дурачка г. Никольскаго изъ приватъ-доцентовъ. Новоиспеченный флигель-адъютантъ полковникъ Минъ, отличившійся блестящей побѣдой надъ

безоружными гражданами на углу Гороховой и Загороднаго, встрѣтилъ г. Никольскаго изъ приватъ-доцентовъ съ распростертыми объятіями. Мы не будемъ описывать первой успѣшной лекціи г. Никольскаго среди семеновцевъ, закончившейся призывомъ защищать павшій и отвергнутый самимъ Государемъ строй, т. е. идти противъ Государя за кучку придворныхъ лакеевъ и разжирѣвшихъ землевладѣльцевъ,—лекціи, послѣ которой раздалось заученное: рады стараться, ваше благородіе.

Воистину: услужливый дуракъ опаснѣе врага.

Отставной.

ТРИ ВИДѢНІЯ.

I.

Уродливой вѣдьмою, съ грязнымъ хвостомъ,
Съ гнилымъ, искривленнымъ улыбкаю, ртомъ,
Предстала какая-то гнусная тварь;
Мнѣ совѣсть гражданская шепчетъ: «ударь,
Бей, ради народнаго здравія!»
Я къ вѣдьмѣ хвостатой—съ вопросомъ: «кто ты?»
Она, исказивъ подлой рожи черты,
Прошамкала: «Самодержавіе!»

II.

Въ багряной одеждѣ явилась жена,
Мечъ гордый держала въ десницѣ она;
Лицо было гнѣвно. Спросилъ я ее:
«Кто ты?» и понявъ обращеніе мое,
Отвѣтила смѣло злорадная:
«Я—ангелъ отмщенія, каратель—судья!
Зовусь революціей... Сила моя
Огромная и безпощадная!»

III.

Прекрасная дѣва въ душистомъ вѣнкѣ
И съ пальмовой вѣткою въ правой рукѣ,
Съ улыбкой привѣта на нѣжныхъ устахъ,
Храня благодатную кротость въ очахъ,
Пришла,—и все злое отпирянуло.
«Кто ты?» вопрошаю; она-же въ отвѣтъ
Сказала: «я—та, кого славилъ поэтъ!»
«Свобода!!»—со всѣхъ сторонъ грянуло...

Николай Пановъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Первый выпускъ нашего журнала, слѣшно составленнаго, вышелъ безъ тѣхъ отдѣловъ, которые нами будутъ помѣщаться въ слѣдующихъ выпускахъ. Число рисунковъ, начинающая со второго-же номера, будетъ увеличено.

Мы предполагали выпустить первый номеръ журнала въ Воскресенье 4-го декабря.

Выпускаемъ его сегодня, потому что событія не ждутъ...

Идетъ революція...

Ред.

Простыя рѣчи.

(Воры-аристократы).

Первый жандармъ страны, лейбъ-провокаторъ г. Дурново, превзошелъ самого себя. Набравъ придворныхъ дармоѣдовъ, княгинь и графинь (кн. Кочубей, гр. Мордвинову, кн. Оболенскихъ, Озеровыхъ и др.), онъ составилъ изъ нихъ шайку, цѣль которой лишить возможности добиться несчастнымъ почтово-телеграфнымъ труженикамъ улучшенія условій ихъ истинно собачьей жизни.

Получая нищенское содержаніе за каторжный трудъ, безправные и угнетенные, они, захваченные волной революціи, подняли свой голосъ. Они добиваются человѣческихъ правъ и правъ на недостающее имъ полѣно дровъ и кусокъ хлѣба.

Они живутъ не въ графскихъ и княжескихъ дворцахъ, а въ подвалахъ. У нихъ нѣтъ своихъ выѣздовъ, нѣтъ любовниковъ секретарей, нѣтъ дворовой челяди, — ихъ больные и раненые ноги, утомленные глаза и покрытые мозолями руки дни и ночи работаютъ на тѣхъ-же графинь и княгинь, которыя теперь крадутъ ихъ хлѣбъ.

До какого разврата должна была дойти наша выродившаяся аристократія, воспитанная на замаскированномъ грабежѣ низшихъ классовъ, если теперь она не стѣсняется выступить въ роли открытыхъ воровъ чужого счастья и грабителей чужого хлѣба!

Тѣ-же самыя лица, что въ прежніе годы жили на счетъ обиженныхъ строимъ «бѣдныхъ», устраивая въ ихъ пользу «благотворительные» вечера, — тѣ-же лица сдѣлали теперь себѣ пріятное развлеченіе изъ забастовокъ и почты и телеграфа.

Во главѣ воровской шайки — добровольныхъ почтальоновъ сталъ проф. Мартенсъ... Слава ему!

Когда наступить предѣлъ безумной вакханаліи разскакавшихся аристократокъ и международныхъ профессоровъ?

«Если не теперь — то когда-же?» — такъ говорилъ пророкъ.

С. Усачъ.

Что думаетъ Витте, когда ему не спится.

Въ позднюю ночь надъ столицей мятежною
Сонъ непробудный царить,
Только лишь Витте рукою прилежною
Что-то все пишетъ — не спитъ.
Фразы не клеятся — Витте ругается,
Ждетъ: — не поютъ пѣтухи...
Жизнь ему долгая вся представляется:
Все-то грѣхи, да грѣхи.
«Охти мнѣ... Часто обитель я райскую
Тяжкимъ грѣхомъ искушалъ.
Ну-тка! дорогу, дорогу Китайскую
Я провести убѣждалъ...
Выдумалъ я монополію винную,
Пьянство повсюду развелъ...
Съ Митей солдатикомъ дружбу картинную
Я на послѣдки завелъ...
Охти мнѣ, охти! Угожу въ преисподнюю —
Митя людей не жалѣлъ.
Какъ ни надѣюсь на благость Господнюю —
Все-же мнѣ быть не у дѣлъ.
Братцы-рабочіе все-то волнуются.

Вѣрить словамъ не хотять.
Вотъ имъ возванье! Авось очаруются?
Нѣтъ... Осмѣютъ, освистятъ...
Охъ ужъ мнѣ эти марксисты, народники...
Всѣ взбунтовались опять!
Божія Матерь! Святые угодники!
Чѣмъ-бы такимъ ихъ пронять?»

Ежидна.

Да здравствуетъ социализмъ!

Живыя муміи изъ сановниковъ, мракобѣсы изъ помѣщиковъ и фабрикантовъ, либеральные земцы, купцы, трактирщики и гвардейскіе офицеры, яростно споря и ссорясь другъ съ другомъ, соединились въ одномъ откровенномъ воплѣ:

Долой рабочихъ!

Ученые мужи, господа профессора и бывшіе марксисты, сидя въ уютныхъ комнатахъ и грѣясь у камина, морщатъ лобъ и придумываютъ платформы, на которыхъ собираются уѣхать страшно далеко, выкинувъ предварительно старое тряпье, оставленное имъ въ наслѣдіе предками, но прихвативъ съ собой рабовъ.

Свобода! кричатъ они: надо воспользоваться благами, которыя мы завоевали. Мы хотимъ строить величественное, роскошное зданіе на новомъ фундаментѣ, по новымъ правиламъ, которыхъ и придумать нечего. Мы ихъ переймемъ у старушки Европы. Мы архитектора, чортъ возьми!

А рабочіе?

Рабочіе будутъ носить кирпичи!

Господа архитектора займутся составленіемъ плановъ и смѣтъ, а пролетаріатъ долженъ безпрекословно исполнять ихъ затѣи: строить дома, желѣзныя дороги, музеи, театры, одѣвать ихъ, поить и кормить, создавая богатства всего міра, въ награду получая лишь жалкіе остатки съ общаго стола, оставаясь нищимъ.

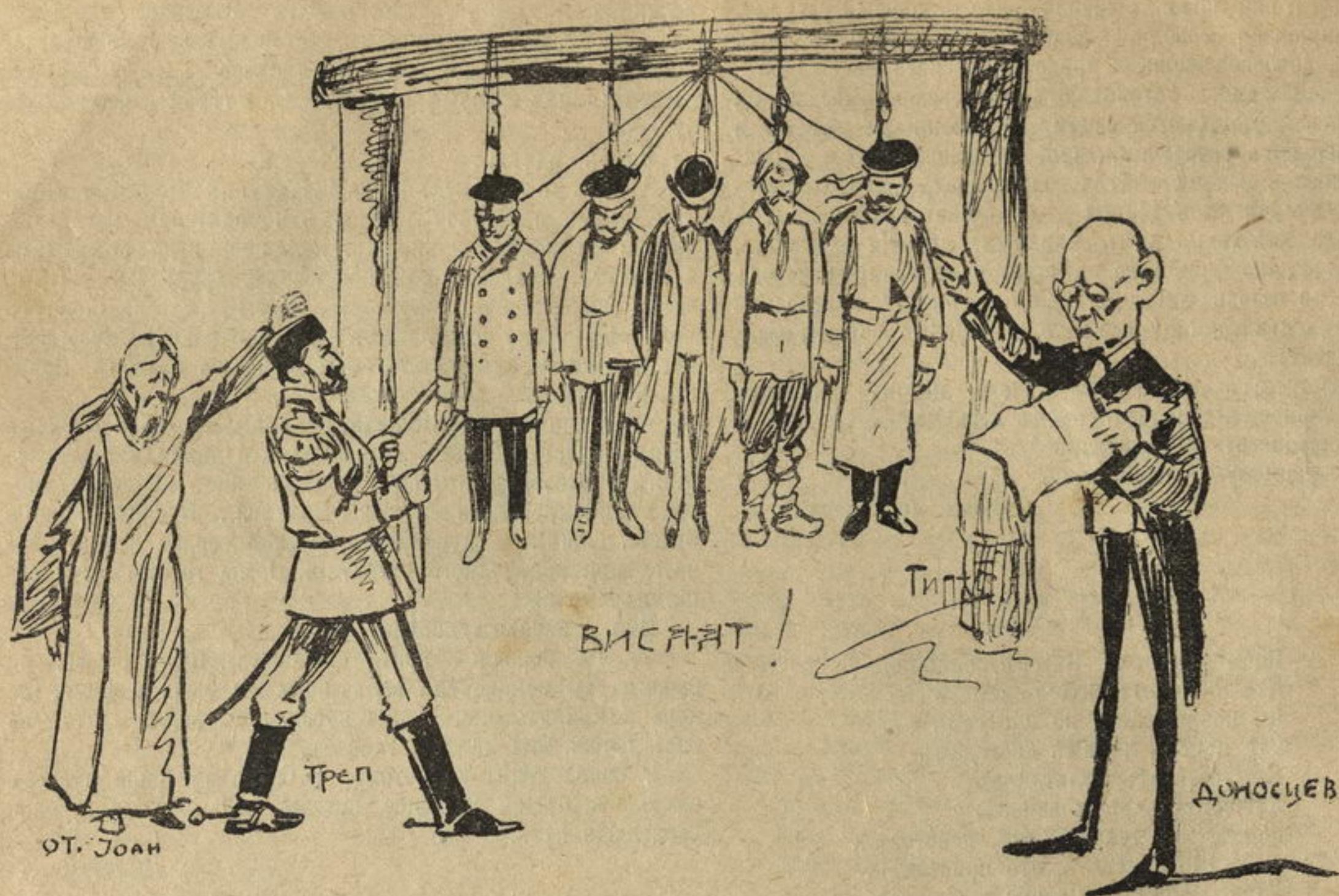
Потаскушка — буржуазія, эта беззастѣнчивая содержанка народа, ничуть не измѣнилась въ двадцатомъ вѣкѣ: она по прежнему блудлива, какъ кошка, и труслива, какъ заяцъ. Она высказывала свое сочувствіе пролетаріату, когда онъ боролся за свободу, но лишь только убѣдилась, что для пролетаріата уроки исторіи не прошли даромъ, что онъ не намѣренъ уступать лавры побѣды фокусникамъ, привыкшимъ загребать жаръ чужими руками, что пролетаріатъ отказывается отъ ея руководства, какъ все ея народолюбіе испарилось, какъ дымъ и изъ ея чахлой изношенной груди вырвался крикъ ужаса. Еще-бы! Отъ нея хотять отобрать награбленное!

А счастье было такъ близко.... Хищное правительство лопнуло отъ обжорства. Стоило надуть лишній разъ народъ и, захвативъ власть, предаться «свободѣ» эксплуатаціи.

Либералы сочинили-бы красивые гимны въ честь новой жизни, провозгласили-бы тостъ во славу новыхъ порядковъ, при которыхъ на лицо всѣ виды «свободы», въ томъ числѣ и «свобода» голода.

Лицемеріе — органическое свойство буржуазіи. Негодуя на политическій гнетъ, она закрываетъ глаза на экономическое рабство и, прикидываясь благодѣтельной хозяйкой, старается убѣдить своихъ рабовъ, что капиталистическій строй есть единственно возможная форма народнаго хозяйства. Но рабы выросли въ гражданъ и не хотять больше оставаться рабами ни политическими, ни экономическими.

Ограбленные алчнымъ правительствомъ, заключившимъ союзъ съ фабрикантами, измученные полувѣковой травлей, искалѣченные, отравленные заводской духотой,

рабочіе напрягли всѣ свои силы и образовали сплоченную массу, которая грозно наступила на своего врага и, схвативъ его за горло, заставила пойти на первыя уступки.

Грандіозная всеобщая забастовка Востока, поразившая Западъ, доказала мощь и зрѣлость русскаго пролетаріата.

Пускай земцы устраиваютъ шутовскіе съѣзды, на которыхъ наслаждаются своими собственными рѣчами и придумываютъ резолюціи, такія же неискреннія и ненужныя, какъ и вся ихъ затѣя разыгрывать спасителей отечества. Пускай капиталисты цѣлуются съ графомъ Витте, составляя вмѣстѣ съ нимъ наивныя, дѣтскія воззванія, которыя также фальшиво звучатъ, какъ если-бы козелъ запѣлъ по соловьиному. Пускай „патріоты“ переводятъ свои деньги за границу и въ то же время требуютъ военной диктатуры.

Пролетаріатъ не боится ничего, потому что «ему нечего терять, а пріобрѣтеть онъ весь міръ!»

Да здравствуетъ революція!

Да здравствуетъ социализмъ!

Сергій Черкасовъ.

К Т О?

Ночь рыдаетъ... Вѣтеръ свищетъ,
Кто-то ходитъ, кто-то ищетъ
По ночлежкамъ, по притонамъ,
Гдѣ пріютъ лихимъ персонамъ;
Кто-то ищетъ хулигановъ,
Патріотовъ—крушевановъ,
Всѣхъ, кто духомъ золь, неистовъ...

Это приставъ, это приставъ!..

Утро блещетъ... Солнце встало....
Всѣхъ отъ водки разобрало...
Собрались хулиганы,
Патріоты—крушеваны...
Гордо, пышно, пьянымъ шагомъ,
Кто идетъ съ трехцвѣтнымъ флагомъ
Впереди сихъ монархистовъ?

Это приставъ, это приставъ!...

Замѣтный.

Красное знамя.

Идутъ, идутъ...

Ихъ много, цѣлыя тысячи, десятки тысячъ... Мужчины и женщины, сѣдые старики, дѣти... Изъ поперечныхъ улицъ и переулковъ выходятъ новыя толпы и сливаются въ одинъ общій потокъ, бурный, радостный, гордый своей побѣдой... Блѣдныя, истомленные лица горятъ неподдѣльнымъ счастьемъ, губы беззвучно шепчутъ молитву неизвѣстному богу, открывшему новый міръ, такой прекрасный, яркій... Трепетныя сердца еще не остыли отъ тревоги, но ненависть уже погасла въ нихъ въ тотъ самый моментъ, какъ темныя силы, вѣками давившія жизнь въ желѣзныхъ тискахъ, вдругъ ослабли и превратились въ песокъ.

Идутъ, идутъ...

Музыка смѣется звуками, то величественно-грозными, то нѣжными и тихими, звонкіе голоса подхватываютъ пѣснь, и гимнъ свободы разрѣзаетъ воздухъ, какъ буря непокорныя волны. То не пѣснь отчаянія, то не пѣснь голодныхъ, усталыхъ, придавленныхъ рабовъ, то пѣснь свободныхъ гражданъ, сломавшихъ цѣпи и празднующихъ свое освобожденіе.

Впереди идетъ знаменщикъ. Весело развѣвается красное знамя. Его никто теперь не смѣетъ тронуть. Оно свя-

щенно. Оно великій символъ труда, ибо только царство труда признаетъ его своимъ. За нимъ не смѣютъ идти хищники, ибо оно также символъ возмездія. Оно улыбается хмурымъ работникамъ, которые своею кровью завоевали жизнь, которыхъ исторія назоветъ героями, благословляя ихъ смѣлый подвигъ. Они герои, ибо создали будущее...

Идутъ, идутъ...

А вотъ и тираны... Какъ жалки они въ этотъ мигъ! Они вышли навстрѣчу храбрымъ побѣдителямъ и, вставъ на колѣни, молятъ о пощадѣ. Ихъ робкія сердца дрожатъ и плачутъ. Руки они подняли вверхъ. Трусливые, хитрые взоры выражаютъ покорность. Губы ихъ не шепчутъ молитвъ, потому что у нихъ нѣтъ бога, кромѣ бога алчности. Они готовы лизать ноги у своихъ враговъ. Извиваясь и корчась, они молятъ:

— О пощадите! Пощадите насъ. Мы сознаемся въ своихъ преступленіяхъ, сознаемся, что дьяволъ былъ нашимъ учителемъ, это онъ толкалъ насъ въ бездну порока, лицемерія и лжи. Мы сознаемся... Пускай сознаніе будетъ нашимъ искупленіемъ, пускай сердца ваши смягчатся при видѣ такого униженія. О, мы готовы быть вашими рабами!

Имъ отвѣчаютъ побѣдители:

— Мы боролись противъ рабства. Намъ не нужно рабовъ. Мы ненавидѣли васъ, пока вы были сильны. Теперь вы ничтожны, и мы презираемъ васъ. Идите отъ насъ прочь. Мы не хотимъ васъ.

И снова двинулся потокъ, и снова заиграла музыка, раздалась пѣсня. Красное знамя, колыхаясь и шурша, указывало путь.

Валерій Т.

18-е Октября.

(Разсказъ).

Письмо первое

(племянницы къ теткѣ).

Дорогая тетя Таня! Я должна тебѣ сообщить ужасную вѣсть. Только ты не пугайся. Ахъ, какая я глупая,—конечно, ты будешь плакать. Я хоть и не плакала, зато мѣста себѣ не могу найти. Хожу, хожу... Не знаю куда дѣться. Мысли такія скверныя, тяжелыя... Все передъ глазами та картина. Откуда-то скачутъ подлая сѣрые фигуры съ холоднымъ злымъ выраженіемъ лицъ. Въ толпѣ смятеніе. Живые люди падаютъ, стонутъ... На паннели красная кровь.

Тетя Таня, а вѣдь папа-то умеръ.

Я сейчасъ выпью воды, немного успокоюсь и все разскажу по порядку.

Въ тотъ день рано утромъ меня разбудилъ папа, цѣлуетъ меня...

Веселый такой, довольный. Смѣется и говоритъ мнѣ: «Конституція объявлена, дѣточка»...

Я сразу не повѣрила.

Врешь, говорю, папка. Жди отъ нихъ!

Показываетъ листокъ. Черезъ полчаса я была уже одѣта и сидѣла за чайнымъ столомъ. Папа мнѣ сталъ разсказывать, какой дорогой цѣной, какими усиліями, сколькими трупами куплена эта бумага, сколько молодыхъ жизней погибло, прежде чѣмъ можно было добиться хотя маленькой побѣды. Часто на этихъ смѣлыхъ, отважныхъ, честныхъ людей натравливали темный народъ, тотъ самый народъ, которому они хотѣли счастья...

Не думай, тетя, что я безсознательно повторяю чужія слова. Я все понимаю. Впрочемъ, развѣ такъ трудно по-

нять, где правда? После тех проклятых сцен, которыми я видела, я уже не девочка. Я взрослая. Я умею ненавидеть, тетя. Я ненавижу этих злых людей не только потому, что они убили папу, но и за то, что они издевались над беззащитными, бессильными. Я хочу всю свою жизнь посвятить борьбе против самодержавия. Пускай я маленькая, тшедушная, чахлая. Рука у меня не дрогнет, если понадобится. Не смейся над моей храбростью, Я лишилась отца—друга, который ни одного моего вопроса не оставлял без ответа. Он разговаривал со мной, как с большой, делился своими надеждами и планами. Так было хорошо... Днем, когда я уходила в гимназию, папа принимал больных. Вечера мы большею частью проводили вместе. В гостях мы бывали редко. У нас в квартирѣ есть угловая комната в три окна. В ней висит голубой фонарь. Я просила папу купить фонарь. В этой комнатѣ мы очень любили сидеть и разсуждать. О чем только мы ни говорили. Но больше всего я любила слушать о тех славных героях, которые еще в то время, когда нигде нельзя было найти отклика на смелый призыв против гнета правительства, открыто выступали вперед, одинокие, гордые... Их ссылали в Сибирь, сажали по тюрьмам, заключали в крѣпость, убивали, вѣшали, мучили в сырых подвалах, где долгие годы они не слышали живого слова. Они умирали от чахотки, от истощения, сходили с ума. Их били, их жгли. Но никто и ничто не могло их остановить.

Вот это люди, тетя!

Нѣтъ, я не могу писать об этом хладнокровно. Я знаю, ты будешь оплакивать папу, ты пожалѣешь его дочку, пожалѣешь потому, что они тебѣ близкіе, кровные. Но ты их никогда не поймешь. В одном письмѣ ты назвала папу социалистом и упрекала его, что он смущает меня. Но как я ему благодарна, что он смутил меня. Я нахожу сейчас силы жить только потому, что я «испорчена», как ты выражаешься. Я не упрекаю тебя, тетя. Я действительно «испорчена». Но если бы я не была «испорчена», я не вынесла бы моего сиротства. Не так давно умерла мать, а теперь отец убит русским офицером! Убит русским правительством!

Но я хочу жить, потому что я фанатикъ, пятнадцатилѣтній фанатикъ в гимназическом платьѣ. Ты, навѣрное, когда будешь читать эти строки, покачаешь головой. Так слушай-же, что я испытала в тот день.

Это я пристала къ папѣ пойти посмотреть, что на улицѣ. Он долго не соглашался со мной идти. Хотѣлъ удрать одинъ куда-то къ врачамъ. А я еще над ним посмѣялась: — свобода собраній говорю, неприкосновенность личности! Царь далъ слово...

Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Ну, ладно, моя маленькая личность. Пойдемъ. Посмотримъ живыхъ людей.

Я нацѣпила красный бантикъ, и мы пошли.

На улицѣ оживленіе, радостныя лица, всѣ куда-то спѣшатъ. Газетчики бойко продаютъ листки. Военныхъ не видно. Только проходили отдѣльные офицеры, но у нихъ совсѣмъ другой видъ, когда они безъ солдатъ. Нѣкоторые тоже веселые, добрые. Одинъ офицеръ напомнилъ мнѣ дядю Петю, который убитъ на войнѣ. Высокій, бравый блондинъ съ сѣрыми глазами. Я даже слегка испугалась, такъ онъ издали напомнилъ мнѣ дядю.

Шли мы, шли. Встрѣтили нѣсколько знакомыхъ. Между прочимъ сослуживца папы, доктора Попова, — знаешь, который ни во что не вѣритъ. Онъ такъ и говоритъ:

— Ни въ Бога я не вѣрю, ни въ людей. А въ особенности въ русскихъ людей. Тряпки они! Дураки! Сила есть, а пустить въ ходъ ее боятся!

Это мы-то тряпки! И тутъ онъ на наше привѣтствіе

отвѣтилъ усмѣшкой и заявилъ, что никакой конституціи нѣтъ. Обманъ одинъ! Я тогда на него разсердилась. Но Боже мой! На этотъ разъ онъ былъ правъ! Мы вышли на довольно узкую, но оживленную улицу и встрѣтились съ толпой. Папа, боясь за меня, хотѣлъ повернуть обратно, но въ это время мы смѣшались съ толпой и насъ отнесли въ сторону. Я помню, какъ мы очутились у какой-то лавочки, которая была заперта. Мы прижались къ двери, чтобы пропустить народъ. Вдругъ въ толпѣ произошло смятеніе, раздались возгласы, крики. Рядомъ съ нами стояла старушка, въ шерстяной косынкѣ, которая поскользнулась и упала. Папа бросился ее поднимать. Не успѣла я опомниться, какъ на разстояніи двадцати шаговъ показалась конница. Впереди ѣхалъ молодой офицеръ и размахивалъ шашкой. Я схватила папу за руку и потащила его ближе къ стѣнѣ. Но солдаты ѣхали по панели. Мы растерялись. Въ тотъ-же моментъ снова упала старушка, на этотъ разъ от сабельнаго удара. Отецъ бросился впередъ, чтобы заслонить меня своимъ тѣломъ. Что-то сверкнуло въ воздухѣ, отецъ вскрикнулъ, покачнулся... Я почувствовала, какъ холодная сталь скользнула по моей головѣ... Когда я очнулась, насъ было только трое на улицѣ: мертвая старушка, папа и я... Я бросилась къ папѣ. Онъ былъ весь въ крови. Широкая рана зіяла въ головѣ, мозгъ вывалился...

Проклятые! Они убили его!

Тетя, тетя! Сколько я не помню себя, я всегда была съ папой. Передъ моими глазами, какъ живой, стоитъ его образъ. Блѣдное одухотворенное лицо съ милой, чистой улыбкой. Но вѣдь въ послѣдній разъ я видѣла другое лицо, перекошенное, красное, съ потухшимъ взоромъ, безъ мысли. Неужели это былъ тоже онъ?

Вотъ и все...

Я отдѣлалась сравнительно легко. Сейчасъ осталась на лбу синяя полоска и больше ничего. Но я не забуду этого дня, хотя-бы прожила сто лѣтъ! Если ты тетя думаешь, что я когда-нибудь имъ это прощу, то ты ошибаешься. По временамъ я такъ волнуюсь, что вслухъ выкрикиваю какія-то слова. Это злыя слова, тетя.

Сейчасъ я живу у подружки. Она мнѣ достала работу и я надѣюсь прожить собственными силами. Зачѣмъ я хочу жить, ты знаешь. Когда будешь мнѣ писать, не пытайся утѣшать меня: я не ребенокъ. Я теперь, какъ и ты, старенькая. Твоя Варя.

Письмо второе

(корнета къ поручику).

Дорогой другъ!

Берусь за перо, хотя терпѣть не могу писать! Ужъ очень мнѣ надоѣли эти нигилисты. Хочу хоть въ письмѣ отвести душу. У васъ въ провинціи тоже, кажется, бунтуютъ, а потому ты поймешь мое настроеніе. Вся эта разночинная дрянь подняла голову — а въ газетахъ такой гвалтъ, что только руками разводишь. Не понимаю, какъ терпѣть ихъ наше правительство!? Дали бы мнѣ власть—я въ одинъ день прикончилъ бы съ анархистами! Я не шучу!! стоитъ выкинуть изъ головы всю эту чушь и вмѣсто громкихъ словъ—приготовить нѣсколько пушекъ. Это старое, испытанное средство и, право же, не такое дурное. Слава Богу, не всѣ помѣшались на конституціи! есть и здоровыя головы. Если кто нигилистовъ еще сдерживаетъ, такъ это генералъ Треповъ. Вы, конечно, читали его послѣдній приказъ, гдѣ онъ такъ крѣпко выразился: «патроновъ не жалѣть!»? Либералы пришли въ изступленіе и пишутъ свои дурацкія статьи противъ Трепова. Ловко онъ ихъ задѣлъ! Я хочу тебѣ разсказать про мою маленькую атаку.

Я тоже попалъ въ газеты!!! Я не читалъ, что онѣ тамъ пишутъ, но мнѣ рассказывали. Я, конечно, не обращаю вниманія на этихъ мосекъ. Впрочемъ я опишу тебѣ все подробно.

Наканунѣ выше изложенной стычки я очень недурно провелъ вечеръ.

Наши собрались у «Медвѣдя», была рыжая Лина и, знаешь, та, хроменькая Катя Чижики, надъ которой все смѣются. Я немного подвыпилъ и сталъ объясняться Чижику въ любви. Лина разозлилась страшно, хотя и поняла, что это шутка, а Чижики приняла въ серьезъ. Кончилось тѣмъ, что я поѣхалъ съ ней на острова. Приѣхали на Елагинъ, тамъ я ее ссадилъ, а самъ поѣхалъ къ Линѣ. У нея я переночевалъ; утромъ встаю и первымъ дѣломъ расхохотался. Мнѣ почему-то пришла въ голову вчерашняя исторія, и я даже представилъ себѣ, какъ Катя Чижики съ хромою ногой идетъ съ Елагина на Пески!

Только что мы собрались съ Линою пить чай, какъ приходитъ деньщикъ. Онъ ужъ знаетъ, гдѣ меня надо искать, если я не ночую дома.

— Такъ, молъ, и такъ, ваше благородіе, требуютъ въ нарядъ.

— Что дѣлать! служба—прежде всего; чмокнулъ Лину и поѣхалъ домой. Черезъ какой-нибудь часъ я сидѣлъ на конѣ. Тронулись въ центръ города. Опять объявили какую-то конституцію и нигилисты рѣшили по этому поводу бунтовать.

Вотъ дѣйствительно наше правительство потеряло голову: вмѣсто того, чтобы приструнить ихъ, оно дѣлаетъ имъ какія-то поблажки.

Понятно, что народу вывалило куча. Орутъ, шумятъ!

Когда мы подъѣхали къ мѣсту назначенія, меня встрѣтилъ знакомый приставъ. Очень симпатичный человекъ. Я когда-то жаловался ему на извозчика. Онъ безъ всякихъ фокусовъ, вмѣсто того, чтобы писать эти чиновничьи бумаги, вздулъ какъ слѣдуетъ извозчика, и тотъ успокоился.

Приставъ сталъ объяснять мнѣ что-то, куда не надо пропускать толпу, а куда можно. Признаться, я не понималъ, чего онъ хочетъ. У меня слегка трещала голова

отъ шампанскаго, которое еще не вывѣтрилось, да я и не выпался. Ты самъ понимаешь, какой сонъ можетъ быть у хорошенькой женщины. Во всякомъ случаѣ съ нигилистами рѣшили не церемониться. Т. е. въ концѣ концовъ пришли къ такому же заключенію какъ и я. Только что я разстался съ приставомъ, какъ ко мнѣ подъѣзжаетъ ординарецъ. Докладываетъ: «Такъ что за угломъ, ваше благородіе, студенты прутъ!» Быстро съ моими молодцами я поскакалъ навстрѣчу толпѣ. Въ самомъ дѣлѣ идутъ студенты и шпаки, между ними женщины, по все й вѣроятности стриженные курсистки, идутъ, сами не зная, куда. Впереди какой-то идетъ съ флагомъ. Я отдалъ команду и мы двинулись. Черезъ какую-нибудь минуту улица совершенно опустѣла. Надо сознаться, что они хотя и анархисты, но порядочные трусы.

Все же кой кому досталось отъ меня на орѣхи. Я ужъ не разбираю тутъ: рубилъ направо и налево. Какъ-то подлая старушонка заступила мнѣ дорогу. Я хорошенько хватилъ ее. Какой-то шпакъ съ дѣвчонкой прижался къ стѣнѣ. Я погладилъ шпака по головѣ шашкой. Вѣроятно ему послѣ этого не поздоровилось...

Вотъ и все...

Кажется все очень просто. Нигилисты бунтуютъ, не хотятъ признавать властей... мнѣ отданъ былъ приказъ усмирить ихъ. Я усмирилъ. Казалось, кромѣ уваженія я ничего не заслужилъ.

Все-таки я рисковалъ кое-чѣмъ. Какой-нибудь сумасшедшій могъ бросить въ меня бомбу. На чьи бы средства тогда жила Лина?

Но, къ сожалѣнію, и въ арміи нашлись офицеры, которые порицаютъ меня въ газетахъ вмѣстѣ съ репортерами. Впрочемъ, въ нашемъ полку нѣтъ ни одного такого офицера. Мы вѣрные слуги Царя!

Твой другъ Кока.

PS. Кстати: я только что узналъ, что старушонка и шпакъ больше не встали. Шпакъ оказался докторомъ. Самъ виноватъ: не лѣзь!

Addio mio caro!

PPS. Я сейчасъ отправляюсь къ Линѣ. Кутнемъ!!!

C.

Издатель С. И. Чепурный.

Редакторъ С. М. Усасъ.
Отвѣтственный редакторъ А. М. Гутьяръ.

Еженедѣльный общедоступный иллюстрированный социалистическій журналъ

„С В О Б О Д А.“

Выходитъ по воскресеньямъ отъ 8 до 16 страницъ.

Цѣна номера 5 коп.

«Въ борьбѣ обрѣтешь ты право свое».

Редакція и контора: Николаевская, 73, кв. 12.

Пріемъ въ редакціи ежедневно отъ 11 утра до 12 ч. дня; контора открыта отъ 11 ч. утра до 4 ч. дня.

Объявленія принимаю по 20 коп. за строку петита.

Издатель С. И. Чепурный.

Редакторъ С. М. Усасъ.

Отвѣтственный редакторъ А. М. Гутьяръ.

Типографія «Трудъ и Польза». С.-Петербургъ. Фонтанка, 71—21.